

А.В. Антошин, Ю.В. Запарий

ООН КАК ИНСТИТУТ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.: ВЗГЛЯД РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ

Анализируются оценки роли ООН как института глобального управления в российском эмигрантском дискурсе середины 1940-х – начала 1950-х гг. Доказано, что деятели российской антикоммунистической эмиграции заняли даже более непримиримую линию, чем политическая элита стран Запада. Они выступали против любых соглашений с Советским Союзом, полагая, что действия советской дипломатии заслуживают жесткой реакции со стороны ООН и мирового сообщества в целом. Фактически многие из них подталкивали Запад к эскалации напряженности, не останавливаясь перед возможностью глобального военного противостояния в условиях наличия оружия массового уничтожения.

Ключевые слова: русская эмиграция; Организация Объединенных Наций; холодная война; право вето; война в Корее.

Введение

Становление Организации Объединенных Наций (ООН) как важнейшего элемента послевоенного мироустройства проходило в условиях оформления bipolarного противостояния. Вопреки ожиданиям многих экспертов и общественных деятелей организация очень быстро стала одним из «фронтов холодной войны». Традиционно исследовательский интерес фокусируется на политике ведущих стран в ООН или же на конкретных конфликтах и кризисах, в урегулировании которых участвовала всемирная организация. Среди базовых работ можно отметить труды Э. Луарда, А. Даллина, Р. Хильдебранда, П. Кеннеди, И.В. Гайдук [1–5]. Однако само появление ООН на международной арене неразрывно связано с возрастающим влиянием общественного мнения, а также интересом общества в целом к вопросу поддержания справедливого миропорядка и регулирования международных отношений. Именно поэтому представляется актуальной проблема восприятия ООН общественными организациями и движениями, отдельными социальными группами. Обращение к этой тематике позволяет увидеть, что для каждого поколения характерен свой «набор» ожиданий, вопросов и критических замечаний по отношению к организации. Некоторые из этих элементов определяют и современный имидж Организации.

Русская диаспора второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. являлась значимой, но сильно фрагментированной общественной группой в ряде стран Запада. Представители разных поколений и «волн» эмиграции из Российской империи – Советской России – СССР, входили в группы экспертного сообщества эпохи холодной войны, рассеянные по разным континентам. После Второй мировой войны основные политические центры русского зарубежья переместились из Европы за океан (прежде всего в США), где к этому времени проживали до 70% русских эмигрантов. Численность «неассимилированной» части диаспоры, на которую мог рассчитывать Запад в условиях холодной войны, аналитиками-антикоммунистами оценивалась примерно в 260 тыс. человек [6. С. 175]. Вместе с тем политическая палитра русского зарубежья этого периода отнюдь не исчерпывалась антикоммунистами. Вторая мировая война вызвала симпа-

тии к Советскому Союзу в разных странах, произошел всплеск патриотизма и среди части русских эмигрантов. Во Франции, Югославии и ряде других стран стали возникать эмигрантские союзы советских патриотов, началось массовое принятие их членами советского гражданства. Только в 1945 г. во Франции 11 тыс. эмигрантов пожелали вернуться в Советский Союз [7. С. 175].

В условиях блокового противоборства русским эмигрантам их деятельности и заявлениям уделялось особое внимание. И СССР, и США стремились использовать деятелей Русского зарубежья в информационной войне. Представители русской эмиграции стремились выступать субъектами, а не объектами глобального конфликта, играть самостоятельную роль в холодной войне. Они внимательно следили за развитием международных процессов, понимая, что от этого может зависеть их дальнейшая судьба. Неслучайно среди них были исследователи (например, проживавшие в США социал-демократы Борис Николаевский и Давид Далин), которые заложили основы американской советологии [8. С. 93]. Обращение к позиции представителей экспертного сообщества русской эмиграции позволяет выявить спектр мнений и оценок деятельности ООН на начальном этапе ее существования.

Исследования и источники

Данная тема относится к числу практически неизученных сюжетов в истории холодной войны. Проблема восприятия ООН общественным мнением исследована в основном на материалах американской печати [9–11], обобщение позиции экспертного сообщества и позиций отдельных групп и сообществ не проводилось. Тема восприятия российскими эмигрантами, в том числе проживающими в США, международных процессов начального периода bipolarного противостояния затрагивается фрагментарно [12–14]; можно выделить, пожалуй, только статью известного историка меньшевизма Андре Либиха [15]. Однако в ней анализируются лишь воззрения социал-демократической части эмигрантских политиков, к тому же вопрос о восприятии ими роли ООН в послевоенном миропорядке практически не затрагивается.

Источниковой базой исследования послужили документы, характеризующие базовые принципы поли-

тики ведущих государств – членов ООН, прежде всего США и СССР, в отношении Организации, а также материалы самой Организации: резолюции Совета Безопасности и Секретариата. Данный комплекс документов позволяет проследить динамику взаимоотношений сверхдержав в ООН и восстановить контекст общественной дискуссии о путях развития организации, ее роли в международных процессах. Авторами также привлекались публикации ведущих периодических изданий Русского зарубежья, где наиболее обстоятельно освещались проблемы мировой политики. Осуществлен анализ материалов как изданий просоветской направленности (парижские «Русские новости» и «Советский патриот»), так и антикоммунистической прессы (нью-йоркские «Новый журнал», «Новое русское слово», «Социалистический вестник»). Именно с этими изданиями сотрудничали ведущие эмигрантские эксперты-международники, именно в этих источниках наиболее обстоятельно рассматривались проблемы становления послевоенного миропорядка в условиях холодной войны. Кроме того, в настоящем исследовании использованы некоторые материалы личных архивов русских эмигрантов, хранящиеся в Гуверовском институте войны, революции и мира (Стэнфорд, США) и Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), а также фонды Архива внешней политики РФ.

Реалии послевоенного мироустройства и проекты «организации международной безопасности»: позиции русских эмигрантов

На заключительном этапе Второй мировой войны вопрос о послевоенном устройстве мира становился одним из центральных. Неудача проекта Лиги Наций заставляла искать новые варианты обеспечения глобальной и региональной безопасности. Однако вопрос о том, какой путь необходимо избрать мировому сообществу для достижения этой цели, был весьма дискуссионным. В этой атмосфере и появился проект создания ООН. Как его восприняли русские эмигранты?

Большинство политически активных представителей русской диаспоры находились на антикоммунистических позициях. Именно ими издавались и наиболее заметные в эпоху холодной войны русскоязычные периодические издания в США, где находился основной политический центр русского зарубежья. Эмигрантские аналитики сразу же обратили внимание на одно из положений Устава ООН, в котором подчеркивалось, что ООН должна противодействовать германской и японской агрессии. Лидер базировавшейся в США группы российских социал-демократов Р. Абрамович указывал, что угроза возрождения германского милитаризма устранялась с помощью других мер, которые были запланированы на Ялтинской конференции лидерами антигитлеровской коалиции. Он делал вывод о том, что Устав ООН нацелен на борьбу с «ветряными мельницами» и создавал бессмысленную международную структуру, «висевшую в воздухе» [16. С. 29]. Еще в феврале 1945 г., до начала работы ООН, антикоммунистиче-

ская часть экспертов весьма скептически оценивала потенциал Организации как института глобального управления. Эмигрантскому публицисту Ю. Денике, например, было очевидно, что еще создаваемая структура не станет «фактором самостоятельного значения», а будет лишь «ареной проявления отдельных сил» [17. С. 29].

Симпатизировавшая Советскому Союзу часть диаспоры была неоднородна. Некоторые печатные издания повторяли стереотипные тезисы советских средств массовой информации.

Советская оценка ООН на начальном этапе (1945–1946 гг.) определялась рядом факторов. С одной стороны, участие СССР в ООН свидетельствовало о высоком статусе страны в мире, подчеркивалась ее роль в создании организации: «Новая международная организация строится при активном участии Советского государства на основе тех принципов коллективной безопасности, которые в течение многих лет являлись краеугольным камнем внешней политики СССР» [18. С. 22]. С другой стороны, даже обладая правом «вето», Советский Союз оставался в меньшинстве и не чувствовал себя уверенно в Организации. В целом солидаризировались с советской позицией нью-йоркский «Русский голос», а также издававшийся в канадском Торонто «Вестник» – печатный орган Федерации русских канадцев.

Самостоятельный анализ международных проблем можно найти на страницах парижской газеты «Русские новости». Ее издавали старые русские либералы, которые также склонялись после Второй мировой войны к поддержке политики Советского Союза. Многие из них (например, А.Ф. Ступницкий, А.М. Михельсон, Б.Э. Нольде и др.) в 1920–1930-е гг. являлись ближайшими соратниками и последователями известного русского политика и историка П.Н. Милокова [19]. Продолжая линию покойного лидера, они стремились обосновать право Советского Союза на расширение своего влияния в мире. По мнению данной части эмигрантских аналитиков, обеспечение прочного мира невозможно без сохранения антигитлеровской коалиции после окончания Второй мировой войны. Самое важное – сохранить ту атмосферу сотрудничества, которая существовала в годы Второй мировой войны в отношениях СССР, США и Великобритании, а не создавать разнообразные международные организации. «Никакой наисовершенный статут (ООН. – *Прим. авт.*) не спасет мир, если это согласие будет нарушено» [20], – указывал публицист «Русских новостей» Л.М. Неманов.

Образовавшийся во Франции после войны Союз советских патриотов (ССП) объединил часть эмиграции, заявившую о полном принятии советской идеологии. Ее печатным органом стала газета «Советский патриот». Уже в первые месяцы после окончания Второй мировой войны публицисты органа ССП прямо подвергали сомнению тезис о том, что возможно построить мировой порядок на основе универсальных общечеловеческих ценностей. В целом большинство из них продолжали мыслить категориями политического реализма и атрибутивного подхода к роли силового фактора в международных отношениях. Эта си-

туация во многом формировала и концептуальные подходы большинства эмигрантских аналитиков к проблемам анализа международных процессов и к ООН в частности.

Впрочем, существовала и группа сторонников либеральных принципов организации нового миропорядка. Такие авторы, как О.В. Анисимов, полагали, что реализация проекта «Соединенные штаты земного шара» являлась единственной возможностью для демократического лагеря одержать победу в противостоянии с СССР. Они указывали, что если Запад будет вести войну за старые лозунги национального самоопределения, то Советский Союз обязательно выиграет, поскольку грядущая Третья мировая война будет тем конфликтом, где победу обеспечат социальные реформы, сокращение вооружений и «сверхнациональное единение» [21. С. 26].

Любопытно, что и на страницах просоветской прессы можно было встретить новые концептуальные подходы к обеспечению глобальной и региональной безопасности. Некоторые публицисты «Советского патриота» выходили за рамки классических концепций политического реализма, связанных с идеей баланса сил как наиболее прочной основы для установления мира. Они прямо утверждали: «На старых формулах и на обветшавших дипломатических привычках построить “мир всего мира” нельзя. Все крупнейшие конгрессы XIX и XX вв. ничего, кроме пресловутой идеи “политического равновесия”, приводящей к созданию вечно настороженных по отношению друг к другу государственных блоков, придумать не сумели» [22].

Какую же альтернативу традиционным концептуальным подходам предлагали «советские патриоты»? Речь шла о необходимости создания некоего единого блока «всех культурных государств». При всей привлекательности этого тезиса следует, как нам представляется, обратить внимание на два момента. Во-первых, конечно, остается не вполне ясным конкретный механизм реализации этого глобального проекта. Во-вторых, дискуссионным представляется и заявление его авторов о том, что подобная идея может быть «внушена отдельным вершителям современных международных отношений только представителем СССР» [Там же]. Именно в это время американские внешнеполитические эксперты выдвигали в чем-то схожие неклассические подходы к трактовке нового миропорядка.

Оценка российских эмигрантов потенциала и политической эффективности ООН в целом отражала основные точки зрения, которые высказывались в широком экспертном сообществе. Создание новой международной организации широко освещалось в прессе, начало работы ООН стало важным событием, которое обсуждали по обе стороны Атлантики. Сомнения в эффективности организации и большие ожидания в купе с первыми кризисами “холодной войны” породили дискуссию о реформе ООН, которую охотно поддерживали и многие политики.

Причины первых неудач ООН в урегулировании конфликтов часто связывались с политикой США. Антиамериканские установки играли существенную роль и при оценке просоветски настроенными эми-

грантами различных проектов реформирования ООН, которые начали появляться уже в первые послевоенные годы. По мнению публицистов «Русских новостей», именно стремление американцев и их союзников к политической и экономической гегемонии в мире стояло за нередко звучавшим в средствах массовой информации проектом «мирового правительства» [23]. Как уже отмечалось, группа «Русских новостей» продолжала воспринимать международные отношения с позиций классической геополитики начала XX в. Для этой части эмиграции концепция мирового правительства была неприемлема, поскольку в случае ее реализации резко снижалось значение отдельных национальных государств (прежде всего великих держав). Выступая против кардинального реформирования ООН, просоветски настроенные эмигрантские публицисты призывали опираться на ее уже существующие институты [24].

Дискуссия о реформе ООН отчетливо отражала настроения в обществе. В конце 1940-х гг. в средствах массовой информации все чаще стали говорить о неэффективности ООН и возможности новой мировой войны. Большинство русских эмигрантов-антикоммунистов были настроены оптимистично, разделяя убеждение о неизбежности победы США и их союзников в этом конфликте [25]. При этом, однако, вставал вопрос о том, что принесет эта победа мировому сообществу, за какие ценности будет бороться Запад в грядущем глобальном конфликте? По мнению видного деятеля русской диаспоры в США писателя Марка Алданова, политика Америки не основана на альтруистических соображениях. ООН, по его мнению, продолжает оставаться ареной отстаивания великими державами своих национальных интересов [26]. В случае начала нового глобального конфликта в США распространятся антирусские настроения, поэтому проживавшим в стране эмигрантам оставалось в этом случае занять только позицию молчания [27]. При этом заметим: письма Марка Алданова не оставляют сомнений в том, что он не возлагал серьезных надежд на миротворческий потенциал ООН. Пытаясь спрогнозировать развитие событий в мире в случае начала нового глобального конфликта, ни он, ни его корреспонденты – видные эмигрантские политики, даже не вспоминали о том, что именно в рамках ООН должны решаться споры между различными государствами. Это весьма симптоматично: уже во второй половине 1940-х гг. большинство современников понимали, что ООН не сможет предотвратить новый глобальный конфликт.

Право «вето»: сторонники и противники в русской диаспоре эпохи холодной войны

Совет Безопасности ООН по мере усиления противоречий между СССР и США стал местом ожесточенных дискуссий и трибуной для взаимных обвинений. Советский Союз, находясь в меньшинстве в ООН, уже в первые же месяцы работы организации стал применять право вето. С февраля 1946 г. по октябрь 1948 г. СССР в Совете Безопасности применил вето 30 раз, в то время как США ни разу не прибегли к этому праву. Активное применение вето Советским Союзом поро-

дило дискуссию среди экспертов по поводу возможного противодействия «злоупотреблению правом». Озабоченность проявили и государства – члены ООН. В ноябре 1946 г. Э. Бевин направил письмо В. Молотову, в котором отмечалось, что «применение права вето за последние месяцы... не учитывало необходимость единства... и вызвало почти всеобщую критику» [28. Л. 4]. Администрация Г. Трумэна не стремилась к отмене права вето, но искала пути разрешения ситуации блокирования Совета Безопасности. Осенью 1947 г. США предложили создать «межсессионный комитет» Генеральной Ассамблеи для рассмотрения вопросов, который Совет Безопасности был неспособен рассмотреть. Данное предложение прежде всего было направлено на ограничение советской политики в ООН.

Вопрос о праве вето активно обсуждался в эмигрантской прессе. Антикоммунистическая часть эмиграции считала его фактором, который снижал эффективность работы ООН. Как только конференция в Думбартон-Окс выработала проект Устава ООН, антикоммунистическая часть аналитиков сразу же обратила внимание на пункт о праве вето. По мнению Р. Абрамовича, именно Советский Союз закладывал эту «мину» под фундамент новой международной структуры. СССР, по его словам, срывал возможность построения «действительно властной и дееспособной международной организации для охранения мира» своим «ультимативным требованием», чтобы постоянные члены Совета Безопасности «имели право голосовать даже в тех случаях, когда они сами являются объектами жалоб со стороны обиженных ими стран». За ними же закреплялось и право «накладывать вето на все практические решения, которые могут быть приняты в Совете Безопасности против них как агрессоров и обидчиков» [16. С. 28]. Как свидетельствовала просочившаяся в прессу информация, Советский Союз был согласен только на то, чтобы Совет Безопасности мог вынести простым большинством «моральное осуждение» агрессору. Но, как справедливо заметил Р. Абрамович, этого «и в покойной Лиге Наций было сколько угодно», однако исторический опыт межвоенного периода показывал всю недостаточность и иллюзорность данного метода борьбы против агрессоров.

Эмигрантские аналитики признавали, что в рамках ООН существуют структуры и механизмы (Экономический и социальный совет, Международный трибунал, система контроля над управлением зависимыми территориями), которые могли принести немало пользы мировому сообществу. Однако право вето не позволяло создать эффективной системы коллективной безопасности. А это означало, подчеркивали эксперты-антикоммунисты, что мир снова начинал движение к новой глобальной войне: «Каждая страна по-прежнему будет сама заботиться о своей безопасности, и вместо ограничения вооружений мы будем наблюдать их рост до небывалых размеров, вместо системы коллективной безопасности образуются явных или тайных военных союзов, и послевоенная атмосфера будет ужасающе походить на новую предвоенную, что чувствуется уже и теперь» [29. С. 118]. А виной всему, полагали они, была позиция СССР, который настаивал на праве вето.

Наделение постоянных членов Совета Безопасности правом вето весьма критически было воспринято и частью просоветски настроенных эмигрантских экспертов. Так, барон Б.Э. Нольде уже в июле 1945 г. оценил результаты конференции в Сан-Франциско лишь как создание нескольких «говорилен», которые практически не имели перспектив выполнить возложенные на них функции» [30]. Со временем на страницах просоветски настроенной прессы начинал доминировать более позитивный взгляд на механизм права вето. Прежде всего, подчеркивалось, что ООН создавалась под влиянием печального опыта Лиги Наций. В ряде случаев идеальные принципы были принесены в жертву практической целесообразности, что делало ООН более устойчивой структурой. Именно данной цели и служило право вето. Публицисты «Русских новостей» указывали, что этот часто критикуемый механизм на самом деле отражал реальную ситуацию: «Великие державы по сути дела несут больше ответственности за поддержание мира и международного правопорядка, чем малые страны» [31]. Б. Лепковский на страницах «Советского патриота» высказывался еще более определенно: проблема состояла в том, что «далеко не все страны полностью обладают политической и, в особенности, экономической независимостью» [32]. В данном случае симпатизировавшая Советскому Союзу пресса намекала на то мощное экономическое влияние, которым обладали США в послевоенном мире. Поэтому в реальности идея отмены права «вето» была нацелена, доказывал Б. Лепковский, на мировое господство «англосаксонских империалистов» [Там же].

Первые кризисы холодной войны и сложности ООН в деле их урегулирования привели к росту критических публикаций, постепенно вопросы о международной организации уходят на второй план. Уже в 1946 г. упомянутый выше Ю.П. Денике довольно резко заметил, что ООН «почти все просто перестали интересоваться» [33. С. 147]. Публицисты из русских эмигрантских кругов считали, что главная причина неудач ООН заключается в следовании «принципу единогласия великих держав», который препятствовал принятию решения в конфликтной ситуации. Именно это привело к неработоспособности структуры ООН, поскольку любое мероприятие, направленное против великой державы, могло быть заблокировано ею с помощью механизма вето. В результате принудительные меры ООН могла применять лишь против малых и средних государств – «в той мере, в какой последние не сумели заручиться поддержкой великой державы» [34. С. 4]. Очевидно разочарование эмигрантских аналитиков в ООН как инструмента многосторонней дипломатии, способного гармонизировать отношения между сверхдержавами.

ООН в условиях Корейской войны: взгляд русских эмигрантов

Противоречия СССР и США обострились в связи с ситуацией на Корейском полуострове и грозили перерасти в военное столкновение. Для урегулирования конфликта между Северной и Южной Кореей применялись механизмы ООН. В отсутствие постоянного

представителя СССР при ООН, который бойкотировал заседания Совета Безопасности, впервые в истории Организации принимается резолюция, которая уполномочила страны-члены предпринять меры против Северной Кореи в рамках системы коллективной безопасности, предусмотренной VII главой Устава ООН. Под эгидой Организации создаются «войска ООН» и проводится военная операция для восстановления территориальной целостности Южной Кореи.

В условиях Корейской войны дискуссии о роли ООН в поддержании международного мира приобрели особую актуальность. Просоветски настроенные эмигрантские аналитики считали, что США лишь воспользовались ситуацией в Корее, чтобы усилить свои позиции в одном из важных регионов мира, и именно право вето являлось наиболее эффективным инструментом для противодействия такой политике. С точки зрения этой части русских эмигрантов, необходимо было укрепление Совета Безопасности ООН путем включения в число его постоянных членов Китайской народной республики (КНР). Усилия США, препятствовавших этому, как представлялось просоветской прессе, вели к дестабилизации ситуации в различных регионах мира.

Эмигрантские аналитики, стоявшие на антикоммунистических позициях, приветствовали создание войск ООН в Корее и призывали не идти на уступки Советскому Союзу по вопросу о допуске КНР в Совет Безопасности. Признание за КНР статуса постоянного члена совета, по их мнению, равносильно «ликвидации всякого сопротивления коммунизму» [35. С. 74]. Более того, как свидетельствуют исторические источники, некоторые бывшие представители высшего офицерского состава русской императорской армии (например, живший в 1950-е гг. в Парагвае генерал Н.Ф. Эрн) пытались организовать вербовку добровольцев для участия в Корейской войне в составе частей Д. Макартура. А проживавший в США бывший генерал-майор Генштаба Г. Ивицкий в сентябре 1950 г. направил меморандум Г. Трумэну с призывом формирования «русских воинских контингентов» в составе армии США (см. подробнее: [36. С. 129–130]).

Публицисты нью-йоркского «Нового русского слова» критиковали СССР за неконструктивную позицию в ООН. Постоянный представитель СССР при ООН Я. Малик «произносил бесконечные речи, не позволял принимать никаких решений и фактически совершенно саботировал сессию Совета Безопасности» [37]. Антикоммунистическая эмиграция подвергла критике попытки Советского Союза бойкотировать ООН и передать ряд важных вопросов на рассмотрение Совета министров иностранных дел стран – участниц антигитлеровской коалиции.

Как известно, такая политика бойкота и игнорирования ООН со стороны Советского Союза была связана с предпринятой по решению Совета Безопасности военной операцией в Корее. Эмигрантские аналитики отмечали, что эта операция была начата в расчете на то, что КНР не вмешается в события на полуострове. Однако обстановка стала развиваться совершенно иначе, в результате уже к началу 1951 г. войска ООН оказались в «безнадежной» ситуации. Фактически,

полагал Р. Абрамович, дело шло к «политической капитуляции» ООН перед китайской агрессией. Повторялась ситуация, которую мир наблюдал в дни бессилия Лиги Наций перед лицом итальянской экспансии в Эфиопии: «Малого агрессора наказать должно, большого же хищника трогать нельзя» [38. С. 2]. Все предложения, которые делали советские представители (например, высказанный в июне 1951 г. Я. Маликом план об отводе войск ООН за 38-ю параллель), рассматривались антикоммунистами как уловки, на которые попадались «наивные умиротворители» [39].

Анализируя советские инициативы в ООН об изъятии переговорного процесса из ведения командования вооруженных сил в Корее и о передаче вопроса на рассмотрение Совета Безопасности, в колонке «Нового русского слова» отмечалось, что эти предложения связаны со стремлением СССР сохранить свои позиции в регионе [40]. Признавалось, что советская позиция была юридически почти неуязвимой: СССР отстаивал необходимость решения ключевых проблем глобальной и региональной безопасности через орган, который и создавался для этой цели, – Совет Безопасности ООН. При этом, естественно, подразумевалось, что право «вето» позволит СССР эффективно отстаивать свои национальные интересы.

По мнению эмигрантских аналитиков, фактор права «вето» играл важную роль в расчетах советской дипломатии и при выдвижении еще одной инициативы – о созыве (согласно параграфу 28 Устава ООН) «периодического собрания» Совета Безопасности по Корее. Сделанное А.Я. Вышинским в самом начале 1952 г. предложение фактически повторяло идею Генерального секретаря ООН Трюгве Ли. Речь шла о возможности созыва чрезвычайных сессий Совета Безопасности с желательным участием в них министров иностранных дел пяти ведущих держав. При этом подразумевалось, что в работе такого собрания будет участвовать представитель КНР, и в этом вопросе СССР надеялся на поддержку азиатских стран – членов Генеральной Ассамблеи ООН [41].

Антикоммунистическая эмигрантская пресса негативно оценивала деятельность Советского Союза в ООН, который, как утверждалось, «расшатывает» международную организацию применением «вето». Характеризуя советских дипломатов, оппоненты большевизма стремились подчеркнуть нелегитимность представителей коммунистической России. Такие оценки, как «банда советских гангстеров», «стая советских воронов» и другие, должны были не только подчеркнуть экспансионистский характер внешней политики СССР, но и продемонстрировать мировой общественности, что эти дипломаты не имели право говорить от имени народов России.

Обострение отношений между сверхдержавами по корейскому вопросу провоцировало обсуждение проблемы Третьей мировой войны и судьбы ООН в случае начала нового глобального конфликта. Р. Абрамович, например, полагал, что в случае победы демократических стран ООН будет «на вершине могущества». Однако многолетний редактор «Нового русского слова» М. Вейнбаум не соглашался с такой

точкой зрения. Он подчеркивал, что фактически участниками войны на стороне Запада станут не Объединенные нации, а страны – члены НАТО, и «очень даже возможно, что Объединенные нации погибнут при первом же выстреле Третьей мировой войны, как погибла Лига Наций, когда грянула мнущая война» [42].

Эмигрантская антикоммунистическая пресса увязывала престиж ООН с активной антикоммунистической политикой США. Весьма показательна в этом плане реакция «Нового русского слова» на отказ политической комиссии Генеральной Ассамблеи ООН одобрить проект резолюции США с осуждением против нарушения Советским Союзом советско-китайского договора. При голосовании воздержались 11 стран – членов НАТО, отсюда делался вывод, что престиж США упал даже у тех, кто «без американской помощи не способны ни на какое сопротивление». С другой стороны, данные результаты символизировали и «разложение» ООН, вина за которое возлагалась на политическую элиту США, проявлявшую излишнюю готовность к компромиссам в ходе Корейской войны. «Когда войска Объединенных наций были в действии и били начавших агрессию коммунистов, – заявляло “Новое русское слово”, – авторитет США стоял очень высоко, и за ним шло большинство в Объединенных нациях. Когда же Вашингтон начал переговоры о “почетном”, а на самом деле недостойном, перемирии как преддверии к такому же миру, его авторитет стремительно пошел вниз, и Объединенные нации начали превращаться во второе издание покойной, бессильной и трусливой Лиги Наций» [43]. Иными словами, антикоммунистическая часть русской диаспоры была убеждена: только непримиримость по отношению к СССР и его союзникам может позволить сохранить как престиж США на мировой арене, так и роль ООН как ключевого института глобального управления.

Такая непримиримость, полагали они, была необходима, в частности, в вопросе о КНДР. Публицисты «Нового русского слова» подчеркивали, что до начала войны на полуострове ни США, ни ООН не признавали Северную Корею как субъект международного права. Однако уже к весне 1952 г. в ООН стали говорить о возможности разграничения по 38-й параллели, что фактически передавало север под власть коммунистов. Такая политика оценивалась этой частью русских эмигрантов как «Мюнхенский подход» [44], который уже погубил предшественницу ООН – Лигу Наций.

При этом антикоммунистическая часть диаспоры полагала, что необходимо продолжить давление в ООН на Советский Союз, представители которого иногда сами давали своим оппонентам материал для новых обвинений. Так, незадолго до смерти И.В. Сталина, отвечая в ООН представителю США, А.Я. Вышинский признал, что СССР продавал и будет продавать оружие КНР, т.е. армии, «воюющей против Объединенных наций». По мнению русских эмигрантов-антикоммунистов, вставал вопрос о том, что ООН должна принять меры против «враждебных действий» советского правительства [45].

По мнению антикоммунистической эмигрантской прессы, особым периодом в истории деятельности советской дипломатии в ООН стало весна–лето 1953 г. Смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. поставила вопрос о том, какой будет новая внешняя политика СССР, отразятся ли на советской позиции в ООН «мирные намеки Маленкова, содержащиеся в речи над гробом Сталина и наделавшие столько шума на Западе» [46]?

Весной–летом 1953 г. тон А.Я. Вышинского в ООН действительно стал, по оценкам антикоммунистически настроенных аналитиков, «слаще меда». Однако это было временное явление. Уже осенью, по мнению «Нового русского слова», представитель СССР вернулся к прежней политической линии. На заседании комиссии ООН по разоружению А.Я. Вышинский раскритиковал проект постепенного разоружения, предложенный странами Запада, при этом США и их союзники вновь обвинялись в подготовке нападения на Советский Союз [47].

Таким образом, ситуация начала 1950-х гг. вновь ставила перед антикоммунистической частью русской эмиграции вопрос: каковы были перспективы ООН как института глобального управления? Конечно, признавал видный публицист Марк Вишняк, в структуре ООН есть организации (например, ЮНЕСКО), чья деятельность могла и дальше приносить пользу. Некоторые результаты деятельности ООН (в частности урегулирование конфликта между Нидерландами и Индонезией или создание государства Израиль) также оценивались Вишняком позитивно. Однако главная задача ООН – создать систему коллективной безопасности, эффективную в условиях «атомной эпохи» – не достигнута. И вина за это, по мнению антикоммунистического публициста, лежит на Советском Союзе, который во всех международных конфликтах проявлял «перманентную и абсолютную неподатливость». СССР отказывался от разрешения спорных ситуаций третьей стороной, поскольку, как заметил Вишняк, «третьей стороны для СССР не существует: кто не с нами, тот против нас» [48. С. 186]. Из этой ситуации, по замечанию эмигрантского аналитика, ООН долгое время выходила путем отступлений от своего Устава. В качестве примеров он приводил создание так называемой Малой Ассамблеи, а также принятие резолюции «Единство в пользу мира», позволявший передавать вопросы на рассмотрение Генассамблеи ООН в случае блокирования Совета Безопасности.

Однако в целом сложившаяся ситуация, по мнению М.В. Вишняка, обрекала ООН на «бездействие и конечный провал». Признаки этого были заметны уже в начале 1950-х гг. «Даже Южная Африка отказывается считаться с решениями Объединенных наций. И Индия с Пакистаном не внемлют предложениям Объединенных наций об организации плебисцита относительно Кашмира... Совет Безопасности в полном параличе» [Там же].

Какой же выход из данной ситуации виделся Марку Вишняку? Только один: исключение Советского Союза из ООН по статье 6 Устава за «систематическое нарушение» принципов деятельности этой орга-

низации. Только это могло позволить повысить эффективность деятельности ООН.

Однако в антикоммунистической публицистике начала 1950-х гг. можно было найти и более оптимистичные и одновременно реалистичные оценки ООН. Их авторы закономерно задавали вопрос: а существует ли реальная альтернатива той международной структуре, которая была создана в результате Второй мировой войны? В условиях наличия оружия массового уничтожения, усиления взаимозависимости между различными странами и регионами мира вставал вопрос о существовании, как выразился Н.С. Тимашев, некой «сцены», на которой по определенным правилам формировалась «равнодействующая сил, представленных государствами» [49]. До тех пор, пока в данной «сцене» были заинтересованы крупнейшие мировые державы, она имела условия для своего существования. В данном контексте можно было уже ставить вопрос о самих правилах «игры», на основе которых функционировала ООН, о тех рычагах воздействия, которыми она обладала. Иными словами, вставала проблема реформы ООН, о необходимости чего активно говорилось уже в начальный период существования этой организации.

Появление ООН в послевоенной международной системе породило активную общественную дискуссию. Представления русской диаспоры об ООН как институте глобального управления характеризуют отношение группы людей, которая априори в значительной степени сфокусирована на международной политике, так или иначе связывая с текущей полити-

кой свое будущее. При всей неоднородности оценок и суждений о настоящем и будущем ООН, присущей прессе российских эмигрантских кругов, очевидно, что организация воспринималась ими через призму биполярного противостояния. В значительной степени эмигрантские круги осознавали ограниченность политического влияния Организации. Но большинство подчеркивало идеологическую значимость ООН.

Для эмигрантской прессы характерно чрезмерное фиксирование на вопросах войны и мира, международно-правовых аспектах поддержания мира. Деятельность ООН в социальной и экономической сфере оставалась в тени и не вызывала интереса общественности.

Оценка эффективности деятельности ООН на начальном этапе холодной войны во многом зависела от идейно-политических установок эмигрантских аналитиков. Симпатизировавшие Советскому Союзу эксперты в целом выступали против реформирования базовых механизмов функционирования ООН. Но настроения в среде русской эмиграции, особенно в США, были созвучны антикоммунистической волне, накрывшей западное общество и прессу. Эмигрантская антикоммунистическая пресса уже на начальном этапе истории ООН не считала ее эффективным институтом глобального управления, видя ключевую проблему в наличии у постоянных членов Совета Безопасности права вето. Наиболее ярко различие этих подходов проявилось в годы Корейской войны, когда к ООН было приковано внимание многих эмигрантских средств массовой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Luard E. A History of the United Nations. Vol. 1: The Years of Western Domination, 1945–1955. London, 1982. 404 p.
2. Гайдук И.В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965. М.: ИВИ-ПАН, 2012. 304 с.
3. Dallin A. The Soviet Union at the United Nations. An Inquiry into Soviet Motives and Objectives. New York, 1962. 244 p.
4. Hilderbrand R. Dumbarton Oaks. The Origins of the United Nations and the Search for Postwar Security. Chapel Hill ; London, 1990. 320 p.
5. Kennedy P. The Parliament of Man: The Past, Present, and Future of the United Nations. New York : Random House, 2006. 361 p.
6. Поремский В.Д. Стратегия антибольшевизской эмиграции. М., 1998. 286 с.
7. Почему мы вернулись на Родину. Свидетельства реэмигрантов. М., 1987. 398 с.
8. Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. М., 1997. № 5. С. 93–112.
9. Scott W., Withey S. The United States and the United Nations: The Public View, 1945–1955. Greenwood Press, 1974. 314 p.
10. Petersen K. U.S. black newspaper coverage of the UN and U.S. white coverage, 1948–1975 // International Organization. 1979. Vol. 33 (4). P. 525–539.
11. Шарова А.Я. США и ООН: концепции и реальности (40–80-е годы). М., 1991. 126 с.
12. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. 414 с.
13. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических изданий русской эмиграции (1917–1988). СПб., 2004. 413 с.
14. Рябова Л.К. «Новый журнал»: публицистика послевоенного периода (1945–1952) // Эмигрантика. Периодические издания Русского зарубежья. Вопросы источниковедческой критики. СПб., 2012. С. 439–458.
15. Liebach A. Mensheviks Wage the Cold War // Journal of Contemporary History. 1995. Vol. 30. P. 247–264.
16. Абрамович Р. Ялта и грядущий мир // Социалистический вестник. 1945. № 3–4. С. 26–30.
17. Денике Ю. Очертания нового миропорядка // Социалистический вестник. 1945. № 3–4. С. 21–30.
18. Коровин Е.А. О международных организациях мира и безопасности. М., 1945. 41 с.
19. Stockdale M.K. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918. Cornell University Press, 1996. 379 p.
20. Русские новости. 1945. 1 июня.
21. Анисимов О.В. Советское поколение // Новый журнал. 1949. № 22. С. 122–129.
22. Советский патриот. 1946. 26 апреля.
23. Русские новости. 1947. 9 мая.
24. Советский патриот. 1947. 27 июня.
25. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). Vasily Maklakov papers. Box 2. Folder «M. Aldanov. 1948». Mark Aldanov to Vasily Maklakov. 29.12.1948.
26. Bakhmeteff Archive Research at Columbia University (BAR). Aleksandr A. Titov collection. Box 1. Folder «Aldanov M. A. 1948–1949». M.A. Алданов – А.А. Титову. 03.11.1948.
27. HIA. Vasily Maklakov papers. Box 2. Folder «M. Aldanov. 1949». Mark Aldanov to Vasily Maklakov. 21.11.1949.
28. Архив внешней политики РФ. Ф. 047. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 4.
29. Социалистический вестник. 1945. № 11–12. С. 112–119.
30. Русские новости. 1945. 13 июля.
31. Русские новости. 1946. 5 апреля.

32. Советский патриот. 1946. 22 ноября.
33. Денике Ю. Защита цивилизации // Новый журнал. Нью-Йорк, 1946. № 12. С. 141–148.
34. За свободу. Нью-Йорк, 1947. № 18. С. 3–4.
35. Социалистический вестник. 1951. № 4. С. 74–79.
36. Антошин А.В. Русская консервативная эмиграция в США в условиях Корейской войны // Новый исторический вестник. 2017. № 52. С. 121–140.
37. Новое русское слово. 1951. 25 июня.
38. Абрамович Р. Соотношение сил – мнимое и реальное // Социалистический вестник. 1951. № 1. С. 2–8.
39. Новое русское слово. 1951. 12 ноября.
40. Новое русское слово. 1952. 5 января.
41. Новое русское слово. 1952. 7 января.
42. Новое русское слово. 1952. 2 февраля.
43. Новое русское слово. 1952. 4 февраля.
44. Новое русское слово. 1952. 7 апреля.
45. Новое русское слово. 1953. 4 марта.
46. Новое русское слово. 1953. 30 марта.
47. Новое русское слово. 1953. 16 ноября.
48. Вишняк М.В. Почему не удастся перемирие в Корее? // Социалистический вестник. 1952. № 11–12. С. 183–186.
49. Новое русское слово. 1951. 28 января.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 августа 2019 г.

The United Nations as an Institute of Global Governance: A View of Russian Emigrants (Mid-1940s – Early 1950s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 102–110.

DOI: 10.17223/15617793/446/14

Alexey V. Antoshin, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Yulia V. Zapariy, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: julia.zapariy@mail.ru

Keywords: United Nations; veto power; Cold War; Russian emigration; Korean War.

The authors analyze approaches to the United Nations Organization as the global governance institute in the writings of Russian émigré circles. The analysis of the approaches of Russian emigration groups to the international organization of peace and security allows identifying the range of views on the UN and the rate of its public support in the early years of the UN existence. Research is based on the study of the leading periodicals of the Russian diaspora, documents from the Hoover Institution on War, Revolution, and Peace (Stanford, USA), the Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (New York, USA) and the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (Moscow, Russia). The article focuses on the analysis of Russian political emigration's approaches to the key issues of the world politics at the early stage of the Cold War. Russian emigration experts attentively observed the developments in relations between the former Allies, some had great expectations about the United Nations, others criticized its structure and functions. After the Second World War, Russian emigration became more disintegrated. Anticommunist emigrants centered in the United States and usually followed a very conservative and critical approach, expecting nothing from international institutions and the United Nations Organization. Some emigrant factions that held the “patriotic line” quite often repeated the official Soviet position on the United Nations activities and criticized the United States for its policy. But the majority of Russian emigrant experts were very skeptical about the UN potential in the maintenance of international peace and security. The weakness of the organization was predetermined by its inability to compel to make peace and prevent conflicts between the superpowers. The article particularly covers the Russian emigrants' controversial attitude to the issue of veto power as the core mechanism of the UN Security Council. Russian emigrants criticized the Soviet Union's “abuse of veto power”, blaming the USSR for the United Nations' inefficiency to react to global problems. The authors also trace the evolution of different emigrant groups' approaches to the Korean war, 1950–53. They show that the anticommunist groups of Russian emigrants followed a much more irreconcilable line than the political elites of the Western countries. Such groups opposed any agreements with the Soviet Union, believing that the actions of Soviet diplomacy deserved a tough reaction from the UN and the world community. In fact, many of them pushed the West to the escalation of hostilities, despite the risk of a global military confrontation and the use of weapons of mass destruction. Russian emigration groups perceived the United Nations through the prism of a bipolar confrontation. They believed that the UN had a limited political influence but emphasized its ideological significance.

REFERENCES

1. Luard, E. (1982) *A History of the United Nations*. Vol. 1. London: Macmillan.
2. Gayduk, I.V. (2012) *V labirintakh kholodnoy voyny: SSSR i SShA v OON, 1945–1965* [In the labyrinths of the Cold War: USSR and USA in the UN, 1945–65]. Moscow: IWH RAS.
3. Dallin, A. (1962) *The Soviet Union at the United Nations. An Inquiry into Soviet Motives and Objectives*. New York: Praeger.
4. Hilderbrand, R. (1990) *Dumbarton Oaks. The Origins of the United Nations and the Search for Postwar Security*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
5. Kennedy, P. (2006) *The Parliament of Man: The Past, Present, and Future of the United Nations*. New York: Random House.
6. Poremskiy, V.D. (1998) *Strategiya antibol'shevitskoy emigratsii* [Strategy of anti-Bolshevik emigration]. Moscow: Posev.
7. Osadchaya, A.P. et al. (1987) *Pochemu my vernulis' na Rodinu. Svidetel'stva reemigrantov* [Why we returned to our homeland. Evidence of remigrants]. Moscow: Progress.
8. Malia, M. (1997) *Iz-pod glyb, no chto? Ocherk istorii zapadnoy sovetologii* [From under the rubble, what? An Essay on the History of Western Sovietology]. (In Russian). *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 93–112.
9. Scott, W. & Withey, S. (1974) *The United States and the United Nations: The Public View, 1945–1955*. Greenwood Press.
10. Petersen, K. (1979) U.S. black newspaper coverage of the UN and U.S. white coverage, 1948–1975. *International Organization*. 33 (4). pp. 525–539.
11. Sharova, A.Ya. (1991) *SShA i OON: kontseptsii i real'nosti (40–80-e gody)* [USA and UN: concepts and realities (40–80s)]. Moscow: Nauka.
12. Nazarov, M.V. (1992) *Missiya russkoy emigratsii* [Mission of Russian emigration]. Stavropol: Kavkazskiy kraj.

13. Bazanov, P.N. (2004) *Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh izdaniy russkoy emigratsii (1917–1988)* [Publishing activities of political publications of the Russian emigration (1917–88)]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Culture and Arts.
14. Ryabova, L.K. (2012) ["Novyy Zhurnal": journalism of the post-war period (1945–52)]. *Emigrantika. Periodicheskie izdaniya Russkogo zarubezh'ya. Voprosy istochnikovedcheskoy kritiki* [Emigrantica. Periodicals of the Russian abroad. Questions of source criticism]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 439–458. (In Russian).
15. Liebich, A. (1995) Mensheviks Wage the Cold War. *Journal of Contemporary History*. 30. pp. 247–264.
16. Abramovich, R. (1945) Yalta i gryadushchiy mir [Yalta and the world to come]. *Sotsialisticheskiy vestnik*. 3–4. pp. 26–30.
17. Denike, Yu. (1945) Ochertaniya novogo miroponyadka [Outlines of the new world order]. *Sotsialisticheskiy vestnik*. 3–4. pp. 21–30.
18. Korovin, E.A. (1945) *O mezhdunarodnykh organizatsiyakh mira i bezopasnosti* [About international organizations of peace and security]. Moscow: tip. im. Stalina.
19. Stockdale, M.K. (1996) *Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918*. Cornell University Press.
20. *Russkie novosti*. (1945) 1 June.
21. Anisimov, O.V. (1949) Sovetskoe pokolenie [Soviet generation]. *Novyy zhurnal*. 22. pp. 122–129.
22. *Sovetskiy patriot*. (1946) 26 April.
23. *Russkie novosti*. (1947) 9 May.
24. *Sovetskiy patriot*. (1947) 27 June.
25. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). Vasily Maklakov papers. Box 2. Folder "M. Aldanov. 1948". *Mark Aldanov to Vasily Maklakov*. 29.12.1948.
26. Bakhmeteff Archive Research at Columbia University (BAR). Aleksandr A. Titov collection. Box 1. Folder "Aldanov M. A. 1948–1949". *M.A. Aldanov to A.A. Titov*. 03.11.1948. (In Russian).
27. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). Vasily Maklakov papers. Box 2. Folder "M. Aldanov. 1949". *Mark Aldanov to Vasily Maklakov*. 21.11.1949.
28. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation. Fund 047. List 1. Folder 1. File 3. Page 4. (In Russian).
29. *Sotsialisticheskiy vestnik*. (1945) 11–12. pp. 112–119.
30. *Russkie novosti*. (1945) 13 July.
31. *Russkie novosti*. (1946) 5 April.
32. *Sovetskiy patriot*. (1946) 22 November.
33. Denike, Yu. (1946) Zashchita tsivilizatsii [Defense of civilization]. *Novyy zhurnal*. (New York). 12. pp. 141–148.
34. *Za svobodu*. (New York). (1947) 18. pp. 3–4.
35. *Sotsialisticheskiy vestnik*. (1951) 4. pp. 74–79.
36. Antoshin, A.V. (2017) Russkaya konservativnaya emigratsiya v SShA v usloviyakh Koreyskoy voyny [Russian conservative emigration to the USA during the Korean War]. *Novyy istoricheskiy vestnik – New Historical Bulletin*. 52. pp. 121–140.
37. *Novoe russkoe slovo*. (1951) 25 June.
38. Abramovich, R. (1951) Sootnoshenie sil – mnimoe i real'noe [The balance of powers: imaginary and real]. *Sotsialisticheskiy vestnik*. 1. pp. 2–8.
39. *Novoe russkoe slovo*. (1951) 12 November.
40. *Novoe russkoe slovo*. (1952) 5 January.
41. *Novoe russkoe slovo*. (1952) 7 January.
42. *Novoe russkoe slovo*. (1952) 2 February.
43. *Novoe russkoe slovo*. (1952) 4 February.
44. *Novoe russkoe slovo*. (1952) 7 April.
45. *Novoe russkoe slovo*. (1953) 4 March.
46. *Novoe russkoe slovo*. (1953) 30 March.
47. *Novoe russkoe slovo*. (1953) 16 November.
48. Vishnyak, M.V. (1952) Pochemu ne udaetsya peremirye v Koree? [Why is the truce in Korea failing?]. *Sotsialisticheskiy vestnik*. 11–12. pp. 183–186.
49. *Novoe russkoe slovo*. (1953) 28 January.

Received: 01 August 2019